

ГЛАВА 1

Доброе утро! А теперь готовься к смерти

АГА, ИМЕННО ТАК. Сейчас, ребята, вы прочтёте о том, как я умер в корчах. Вы восхититесь и скажете: «Вот это круто, Магнус! А как бы и нам умереть в корчах?»

Никак. Даже не мечтайте.

Не прыгайте с крыш. Не кидайтесь на шоссе перед идущим транспортом. Не поджигайте себя. Потому что так это не работает. Не попадёте вы туда, куда попал я.

Кроме того, уж поверьте, вам оно и даром не надо. Если, конечно, вы не фанаты зомби-недобитков, крошащих друг друга в капусту, летучих мечей, отсекающих носы великанам, и тёмных эльфов-супермодников. Не ищите дверей с волчьими головами — мой вам совет.

Меня зовут Магнус Чейз. Мне шестнадцать лет. И это история о том, как моя жизнь пошла под откос, стоило мне умереть.

В тот день, казалось бы, ничто не предвещало беды. Я спал под мостом в Общественном саду, как вдруг меня разбудили лёгким пинком:

— Тебя ищут.

Кстати, если что — я бездомный. Вот уже два года.

Кто-то из вас тут же всплеснёт руками: «Ах, какая жалость!» А кто-то посмеётся: «Ха-ха, ну и лох!» Но если бы мы с вами встретились на улице, девяносто девять процентов из вас просто прошли бы

мимо, словно я невидимка. И ещё молились бы про себя: «Ой, лишь бы денег не начал клянчить!» Или задались бы вопросом, сколько мне лет. Наверняка решили бы, что это я только с виду совсем пацан. Потому что подросток в вонючем спальном мешке посреди бостонской зимы — ну сами посудите: как такое может быть?! «Кто-то же должен позаботиться о бедняжке!» — подумаете вы.

И пройдёте мимо.

Ну и ладно. Мне ваша жалость не больно-то и нужна. Я привык, что надо мной смеются. И тем более привык, что меня не замечают. Короче, проехали.

Того бомжа, что меня растормошил, зовут Блиц. И как обычно, выглядел он так, словно побывал под ураганом грязи. В жёсткие чёрные волосы набилось разных бумажек и веток. Лицо цвета седельной кожи всё испещрено ледяными точками. Борода курчавилась во все стороны. Росту в Блице всего-то футов пять¹, поэтому его шинель волочилась по земле, собирая весь снег, и на её полах уже намёрзла корка льда. Блиц так тарасился, что расширенные зрачки затемняли радужку. И вообще вид у него всегда взбудораженный — кажется, вот-вот заголосит во всё горло.

Я с трудом разлепил веки. Во рту стоял привкус, как от вчерашнего гамбургера. В спальнике было тепло, и вылезать оттуда совсем не хотелось.

— Кто меня ищет?

— Точно не скажу. — Блиц почесал нос, сломанный когда-то столько раз, что формой он смахивал на молнию или кривые ступеньки. — Там флаеры раздают с твоим портретом и именем.

Я ругнулся. Забреди сюда полицейский или смотритель парка — это бы я пережил. Инспекторы по

¹ Фу т — это тридцать с небольшим сантиметров. И значит, росту в Блице — метра полтора (Здесь и далее примечания переводчиков).

делам несовершеннолетних, волонтеры из соцопеки, пьяные студенты и наркушники, которым только дай поизмываться над кем-нибудь маленьким и беззащитным — это для меня такой же повод проснуться, как блинчики с соком в постель. То есть никакой.

Но если кто-то знает меня по имени и в лицо — дело плохо. Это значит, кто-то охотится именно за мной. Может, ребята в ночлежке сильно разозлились за то, что я сломал их стереосистему. (А чего вы хотели: эти рождественские песнопения кого угодно достанут!) Или камера слежения меня засекала, когда я стащил те деньги в Театральном квартале. (Пиццу-то мне никто задаром не даст!) Или как вариант — хотя и маловероятный, — меня всё ещё разыскивает полиция, чтобы допросить по поводу убийства моей мамы...

Свои пожитки я сложил в три секунды. Тутто ска-тал спальник и запихнул его в рюкзак вместе с зубной щёткой и сменой носков и белья. Это и плюс ещё одежда, которая на мне, — вот и всё моё имущество. Рюкзак на плечи, капюшон куртки натянуть пониже — и готово: я полностью сливаюсь с потоком пешеходов. В Бостоне полно ребят, которые учатся в колледжах. Некоторые из них даже позамызганнее меня. И на вид помоложе.

Я обернулся к Блитцу:

— А где раздают флаеры?

— На Бикон-стрит. И они идут сюда. Белый дядька средних лет и девочка-подросток, может, дочка его.

Я нахмурился:

— Да нет, вроде бред какой-то. Кому...

— Не знаю, малыш. Но мне пора сваливать. — Блитц сощурился на восходящее солнце, которое расцветивало багряным окна небоскрёба. Я никогда не мог понять почему, но Блитц ненавидел дневной свет. Наверное, он самый маленький и плотненький

на свете вампир-бомж. — Ты сходи Хэрта проведай. Он зависает на Копли-сквер.

Опять он туда же! Местный народ в шутку звал Хэрта и Блитца моими мамочкой и папочкой. Потому что они вечно кудахтали надо мной, как две клуши.

— Спасибо за заботу, — ответил я. — Но я уж как-нибудь.

— Смотри, малыш. — Блиц задумчиво жевал большой палец. — Тебе бы поостеречься.

— Зачем?

Блиц глядел куда-то за моё плечо:

— Вон они.

Я никого не увидел. Но когда я обернулся, Блицца и след простыл. Ненавижу, когда он так делает. Фьють — и нет его. Как будто он ниндзя. Ниндзя-вампир-бомж.

Так что теперь у меня был выбор: отправиться на Копли-сквер и позависать с Хэртом или пойти на Бикон-стрит и поискать тех, кто ищет меня.

Любопытно всё-таки. Как там их Блиц описал? Белый дядька средних лет и девочка-подросток разыскивают меня по утреннему морозцу? Зачем я им? И кто они?

Я осторожно двинулся вдоль берега пруда. На нижней дорожке, проходящей под мостом, сейчас никого. Так я могу обогнуть подножие холма: если кто пойдёт по верхней дорожке, я его замечу, а он меня — нет.

Землю укрыл снег. От небесной голубизны резало глаза. Голые ветви деревьев словно окунули в жидкое стекло. Ветер продувал все слои моей одежды, но я не обращал внимания: холод меня почему-то не берёт. Мама всё шутила, что я наполовину белый медведь.

«Опять ты за своё, Магнус», — мысленно упрёкнул я себя.

Два года прошло, а память о ней по-прежнему

минное поле. Я наступил на мину, и меня разорвало на куски.

Я попытался сосредоточиться.

Вот и они, мужчина и девочка. У мужчины рыжеватые волосы до плеч, и не то чтобы он специально их отращивал — просто, видимо, не заморачивается со стрижкой. Лицо озадаченное — примерно как у школьного учителя: «В меня только что плюнули бумажным шариком, но я понятия не имею, кто это сделал». Его модельные туфли определённо не для бостонской зимы. Коричневые носки разных оттенков. А галстук он, похоже, завязывал, крутясь волчком в тёмной комнате.

Девочка явно его дочка — волосы такие же густые и волнистые, но посветлее. Она-то как раз одета более-менее по погоде: зимние ботинки, джинсы и парка, из ворота которой выглядывает оранжевая футболка. И лицо решительное, даже сердитое. В кулаке пачка флаеров — стиснула их так, словно это сочинение, за которое ей незаслуженно вкатили тройка.

Если эта девочка ищет меня, то пускай я лучше не найдусь. Она меня пугает.

Я не узнал ни девочку, ни её отца, но в глубине моей памяти что-то шевельнулось... Как будто очень старое воспоминание вытягивали на поверхность магнитом.

Отец и дочь остановились у развилки и огляделись, видимо, сообразив наконец, что они посреди пустынного парка, кругом непрошибаемая зима и время сейчас ну очень раннее.

— Просто не верится, — сказала девочка. — Придушила бы его, честное слово.

Это она обо мне, решил я и съёжился ещё сильнее.

— Ты бы с ним помягче, — вздохнул отец. — Он ведь твой дядя как-никак.

— Но два года, папа! — возразила девочка. — Он два года от нас скрывал!

— Никогда не мог понять Рэндольфа. И до сих пор не могу, Аннабет.

Я вдохнул так шумно, что испугался, как бы они не услышали. От моего мозга точно отвалилась запёкшаяся корка, и под ней обнаружили воспоминания десятилетней давности. Из тех времён, когда мне было шесть.

Аннабет. Так, значит, рыжеватый тип — это... дядя Фредерик?

И я прокрутил в голове воспоминания о нашем последнем семейном Дне благодарения. Дело было в особняке дяди Рэндольфа. Мы с Аннабет спрятались в библиотеке и играли в домино, а взрослые тем временем орали друг на друга внизу.

«Тебе хорошо, ты с мамой живёшь. — Аннабет подружилась ещё одну фишку на свою изящную постройку. Очень симпатичный у неё вышел домик, с колоннами, совсем как храм. — А я сбегу».

И я ничуть не сомневался, что она и правда сбежит. Я прямо трепетал перед её уверенностью.

Потом в дверях возник дядя Фредерик с крепко сжатыми кулаками. И его мрачная физиономия плохо сочеталась с радостным оленем у него на свитере. «Аннабет, мы уходим».

Аннабет посмотрела на меня серыми глазами, в которых пылал слишком уж яростный для первоклашки огонь: «Береги себя, Магнус». И лёгким тычком разрушила свой доминошный храм.

Вот такой я видел её в последний раз.

После этого моя мама заявила самым непреклонным тоном: «Больше мы с твоими дядьями не разговариваем. Особенно с Рэндольфом. От меня он ничего не получит, что бы ни просил. Никогда».

Она так и не объяснила, чего же просил Рэндольф и что они втроём с ним и Фредериком не поделили.

«Поверь мне на слово, Магнус. С ними связываться — себе дороже».

И я поверил маме на слово. Даже после её смерти я не встречался с родственниками.

А тут на тебе: они меня, оказывается, ищут.

Дядя Рэндольф живёт в Бостоне, но, насколько мне известно, Фредерик с Аннабет всё ещё в Виргинии. Они что, специально приехали раздавать тут направо и налево флаеры с моим лицом и именем? И, кстати, откуда у них моя фотка?

У меня в голове уже так гудело от мыслей, что я прослушал часть разговора.

— ...найти Магнуса, — говорил дядя Фредерик. Он взглянул на смартфон. — Рэндольф в городской ночлежке, говорит, там его нет. Надо проверить молодёжную ночлежку — это тут, через парк.

— Может, Магнуса вообще уже нет в живых, мы же не знаем! — удручённо заметила Аннабет. — Уже два года он как в воду канул. А вдруг он замёрз насмерть в какой-нибудь канаве!

Меня так и подмывало выскочить из укрытия и кинуться к ним с воплем: «А вот и я!»

Хоть мы десять лет не виделись, мне стало неловко, что Аннабет так переживает. Но годы, проведённые на улице, научили меня уму-разуму. Я на горьком опыте усвоил: пока не выяснишь, что происходит, — не суйся.

— Рэндольф уверен, что Магнус жив, — сообщил дядя Фредерик. — И что он где-то в Бостоне. Если Магнусу и впрямь грозит смертельная опасность...

Они направлялись к Чарльз-стрит, и их слова уносили ветер.

Меня всего трясло, но вовсе не от холода. Вот бы побежать вдогонку, схватить Фредерика за руку и потребовать, чтобы он мне всё объяснил. Откуда Рэндольф знает, что я в Бостоне? Зачем они меня ищут?

И почему мне именно сегодня ни с того ни с сего грозит какая-то смертельная опасность?!

Но куда я не побежал.

Потому что я помнил последнее, что сказала мне мама. Мне тогда очень не хотелось лезть по пожарной лестнице. Не хотелось бросать маму одну. Но мама крепко стиснула мои руки и заставила смотреть ей в глаза. «Магнус, беги. Прячься. Никому не верь. Я найду тебя. И что бы ни случилось, не проси помощи у Рэндольфа».

А потом, не успев я добежать до окна, как дверь нашей квартиры треснула вдоль и взорвалась. И в темноте появились две пары сверкающих синих глаз...

Прогнав воспоминание, я наблюдал, как дядя Фредерик и Аннабет удаляются и поворачивают в сторону парка Бостон Коммон.

Значит, дядя Рэндольф... Он зачем-то вышел на связь с Фредериком и Аннабет. Вызвал их в Бостон. А Фредерик и Аннабет все эти годы не подозревали, что моей мамы не стало, а я пропал. Это, конечно, та ещё нелепица, но, допустим, так оно и есть. Почему же тогда Рэндольф рассказал им обо всём сейчас?

Без личной беседы с дядюшкой есть лишь один способ получить ответы на вопросы. Особняк Рэндольфа стоит на Бэк-Бэй¹, отсюда рукой подать. И, судя по словам Фредерика, Рэндольфа дома нет. Он разыскивает меня где-то в Саут-Энде.

Небольшой взломчик и незаконное проникновение — что может быть лучшим началом дня! А потому самое время проведать дядюшку.

¹ Бэк-Бэй — престижный район Бостона, где много дорогих магазинов и ресторанов. Тамошные здания возводились в основном в XIX веке — для США, которые образовались лишь в 1776 году, это довольно старая застройка.

ГЛАВА 2

Чувак в бронзовом лифчике

ДОЛБАНОЕ РОДОВОЕ ГНЕЗДО. Нет, вы-то так не подумали бы. Вы бы увидели роскошный шестиэтажный особняк с горгульями по углам крыши, витражи в оконных переплётах, мраморную входную лестницу и всю эту фигню, говорящую о том, что здесь-живёт-кто-то-богатенький. И удивились бы: как это племянника такого дядюшки занесло в бомжи?!

Если в двух словах: д-я-д-я Р-э-н-д-о-л-ь-ф.

Это ведь его дом. Как старший сын Рэндольф унаследовал его от моих бабушки и дедушки, которых я не застал в живых. Я не очень подкован в деталях семейной мыльной оперы, но трое отпрысков — Рэндольф, Фредерик и моя мама — определённо не ладили. После Великого Раскола в День благодарения мы с мамой в фамильную недвижимость не навевывались. Наша квартира была примерно в полумиле отсюда, но это ничего не меняло. Дядя Рэндольф с тем же успехом мог бы жить на Марсе.

Мама заговаривала об особняке, только когда нам случалось проезжать мимо на машине. Она показывала мне дядин дом, точно опасный риф прямо по курсу: «Видишь? Вон он. Держись подальше».

Когда я очутился на улице, мне доводилось бродить ночами неподалёку от дядино дома. Я загля-